

Е. А. МИРОНОВА
*(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)*

УДК 811.161.1'42(091)

ББК Ш141.12-03

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ И ПОСЛАНИЙ СЕМЬЕ)

Аннотация. Понятие «языковая личность» становится одним из центральных в лингвистике к XX – н. XXI в., однако, повышенный интерес к личности, воплощённой в языке, не исключает ряда спорных вопросов, связанных с реализацией данной категории в её историческом развитии. XVII век становится знаковым периодом и в истории России, и в истории русского литературного языка. Одним из выдающихся религиозных деятелей этого времени стал протопоп Аввакум Петров – ярый защитник «древнего благочестия», автор «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного», а также текстов частного характера, которые послужили материалом данного исследования. Письма и послания к семье рассмотрены нами как письменные произведения, к категориальным признакам которых относят политематичность, стандартную структуру, роль пресуппозиции и адресатную направленность. На основе категориальных признаков эпистолярных текстов, адресованных к семье, нами предпринята попытка описания языковой личности протопопа Аввакума.

Ключевые слова: языковая личность, раскол русской православной церкви, протопоп Аввакум, эпистолярный текст, категориальные признаки эпистолярного текста, эпистолярная языковая личность.

Рассмотрение языка в рамках антропоцентрической парадигмы, получившее широкое распространение в XX веке, актуально и на современном этапе развития филологической мысли. Колоссальный интерес к личности, воплощённой в языке и языковых средствах, во многом определил вектор развития языкознания XXI века. Одним из центральных понятий лингвистики последних десятилетий становится языковая личность, у истоков исследования которой стоят В. В. Виноградов, Ю. Н. Караулов, В. П. Нерознак, А. А. Ворожбитова и др.

В настоящий момент разработаны подходы к изучению языковой личности, а также их классификация, типология и структура, однако существует ряд нерешённых вопросов, связанных с выявлением типичных черт, характерных для того или иного типа языковой личности, в том числе и в её историческом развитии. В связи с этим целью настоящего исследования становится описание языковой личности протопопа Аввакума на материале письменных текстов личного характера.

Традиционно под языковой личностью подразумевается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурной сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью» [Караулов 1987: 33].

Необходимость исследования языковой личности в совокупности с национальной культурой и народными традициями, к которым эта личность принадлежит, не вызывает сомнений, поскольку, «являясь средством человеческой коммуникации и потому социальным и национальным по своей природе, язык не может не нести на себе отпечатки особенностей мировоззрения, этических и культурных ценностей, а также норм поведения, характерных для данного языкового сообщества» [Якобсон 1998: 44]. Кроме того, «некоторая доминанта, определяемая национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией, существует, и она-то обуславливает возможность выделения в общезыковой картине мира её ядерной, общезначимой, инвариантной части» [Караулов 1987: 37].

В этой связи особый интерес для нашего исследования представляет период XVII века как время формирования национальных традиций и становления культурных ценностей, оказавшее значительное влияние на ход истории России и, в буквальном смысле, «расколовшее» русское общество. Церковная реформа царя Алексея Михайловича и патриарха Никона становится одним из ключевых событий эпохи. Взяв своё начало с правки богослужебной литературы и церковных обрядов, реформа ознаменовалась трагическим расколом русской православной церкви, прежде всего потому, что Россия была подвержена идее божественной избранности народа: «идея, что Русь была поставле-

на Богом выше других государств и что поэтому Господь требует от русского народа больше, чем от других народов», повлекла за собой рост религиозного напряжения, которое разряжается только в результате кризиса раскола [Зеньковский 1995: 29].

Теократическая идея избранности народа Богом легла в основу церковной реформы XVII века, но справа книг и обрядов шла вразрез с русским самосознанием: Никон, исправляя книги и обряды по новопечатным греческим книгам, поставил под сомнение то убеждение, что «в Москве, как в III Риме, русские сохранили подлинную православную старину», и «во вред себе разослал против себя агитаторов по всей России в лице обиженных и сосланных протопопов» [Карташев 1992: 154-155].

В качестве одного из «агитаторов» выступил протопоп Аввакум Петров – ярый защитник «древнего благочестия», автор «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного», челобитных, писем и посланий. Тексты частной переписки особенно значимы для исследования языковой личности, поскольку вплоть «до настоящего времени не выработаны принципы филиации текстов по степени отражения в них личностного фактора. Несомненно, что одно из первых мест в их стратификации займут тексты личностного характера, к числу которых отнесём тексты дневников, автобиографий, мемуаров и эпистол (писем)» [Салькаева 2016: 178].

В связи с рассмотрением особенностей коммуникативного «поведения» языковой личности в рамках текстов частного характера следует обратиться к понятию эпистолярного текста, под которым может рассматриваться «концептуально, информативно и прагматически значимое письменное речевое произведение, категориальными признаками которого считаются политематичность, стандартная структура, особая роль пресуппозиции и фактора адресатной направленности» [Курьянович 2014: 256]. В таком случае особой формой коммуникативного взаимодействия и одним из самых распространённых видов эпистолярного текста является жанр частного письма.

В связи с этим необходимо обратить внимание на письма и послания к семье. До настоящего времени известно о четырёх письмах протопопа Аввакума своей семье на Мезень. Первое письмо было послано 30 мая 1666 г. из темницы Николо-

Угрешского монастыря (напечатано по списку конца XVIII в.; ГИМ, собр. Вострякова, № 1009, л. 112 об. – 114). Второе письмо написано не раньше лета 1669 и до марта 1670 г. (напечатано по автографу ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, № 596). Третье письмо датируется временным периодом между 6 января и мартом 1670 г. (напечатано по автографу ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, № 600). Четвёртое письмо, вероятно, написано в конце 1672 – в первые месяцы 1673 г. (напечатано по списку начала XIX в.; ГПБ АН УССР, собр. митр. Макария, № 58, л. 162-166 об.) [Гудзий 1979: 318-320].

Письма протопопа Аввакума к семье в полной мере отвечают такому категориальному признаку, как политематичность. Послания зачастую содержат фрагменты мученического жизнеописания Аввакума, в определённой мере схожие, с одной стороны, с «Житием протопопа Аввакума, им самим написанным», с другой – с челобитными, напоминающими патерик великомученика, изобилующий ярко выраженными чертами публицистического текста (подробнее см.: [Миронова 2016]). Например, *«В Пафнотьеве монастыре держали девять недель на переменных цепях. И после того мчали к Москве девяносто верст на переменных лошадах, не отдыхая; затрясли было. Потом остригли и прокляли. У Николы на Угреше сежю в темной полате, весь обран и пояс снят со всяцем утверждением, и блюстители пред дверьми и внутрь полаты – полуголова со стрельцами. Иногда есть дают хлеб, а иногда щи»* [Аввакум 1979: 149-150]; *«Помышляю о себе, яко удавят мя еретики: попущено бо им гораздо»* [Аввакум 1979: 150]; *«Помните, зверь даурский всяко распопу беднова, еже есть меня, протопопа, умышлял погубить, а не явно ли божия милость?»* [Аввакум 1979: 153], *«А нынешнюю зиму потерпите только маленько: силен бог, уже собак тех, перепутав огненным ужем, отдаст нам в руки. Тогда умеи спасать их. А что им попущено от нас умерщвлять, и то добро так»* [Аввакум 1979: 153] и др.

Письма протопопа Аввакума не лишены бытовой направленности. Отец семейства подробно рассказывает о своём жизненном укладе и потребностях, например: *«Мне бояроня главотяжец да саван прислала»* [Аввакум 1979: 151], *«Три рубахи пришите. давн[о] рубахи надобно: часто нах хожу. Да и башма-*

чишиков нет, какие бы нибудь, да и фerezишиков нет, да и день-женец нет» [Аввакум 1979: 151]. В то же время, часть хлопот Аввакум поручает сыновьям: *«Запечатой грамотки, да пошли к Москве»* [Аввакум 1979: 151], *«Грамотки, Иван, бояроне в столпчик запечатой да пошли»* [Аввакум 1979: 151] и пр.

Протопоп Аввакум для своей семьи в полной мере является и отцом духовным, что отчётливо прослеживается в текстах его писем: *«А вас уже я и забыл, токмо прошу о спасении вашем. <...> Паки всем благословение»* [Аввакум 1979: 150], *«Не обленись, жена, детей тех понуждати к молитве, паче же сами молитесь. <...> Добро молитва! Ей же помогает пост и милостыня. Не ленитесь молиться, да не бесплодни будете»* [Аввакум 1979: 150], *«И ты, Марковна, ложися всею крепостию душевною на Христа и богоматерь: она, надежда наша, не оставит нас погрузатися в неверствии и бури»* [Аввакум 1979: 153] и др.

Особого внимания заслуживают сигнальные жанровые клише, которые отличают эпистолярный на уровне структуры, А. В. Курьянович относит к ним «речевые формулы, репрезентирующие такие традиционные “рамочные” компоненты писем разных типов, как эпистолярные приветствие, прощание, постскриптум» [Курьянович 2014: 256]. Поскольку в центре нашего внимания религиозный деятель, личность, обладающая традиционным средневековым мировоззрением, древнерусский человек, который «жил и мыслил в рамках религиозного сознания. <...> “окормлялся” верой как хлебом насущным» [Панченко 2005: 65-66], традиционное приветствие может быть соотнесено с благословением, начинающим послание: *«Детям моим благословение и дому моему мир!»* [Аввакум 1979: 149], *«Сыну Ивану и Прокопью, с матерью и с братом и сестрами, с женою и дочерью, всем благословение»* [Аввакум 1979: 150], *«Ивану с матерью, и с женою, и с дочерью, и Прокопью с братом, и с сестрами, и с домашними, Феодору с Лукою, всем без разбору – благословен[ие]; Марковну бог простит»* [Аввакум 1979: 151]. Отметим, что четвёртое письмо начинается с цитаты, приведённой из первого Соборного послания ап. Петра: *«Возлюбленнии, молю вы, яко странники и пришельцы, отгребатися от плотских похотей, яже воюют на душу нашу»* [Аввакум 1979: 152].

Обращение к текстам религиозной литературы, выступающим в роли своеобразных «маркеров», вполне закономерно, поскольку «текст не существовал вне координат религиозного сознания средневекового человека» [Бекасова 2013: 153], а «само религиозное знание было частью традиционного дискурса» [Вендина 2013: 94]. К тому же тексты богослужебной литературы представляют собой прецедентные тексты, определяющие вектор лингвистического выражения личности. По свидетельству самого Аввакума, *«нет у меня строки книжные, пою богу моему наизусть: глагол божий во устех моих»* [Аввакум 1979: 150], поэтому в письмах к семье протопоп дословно цитирует первое Соборное послание ап. Петра, Послание ап. Павла к коринфянам, Книгу Екклесиаста, первое Послание ап. Павла к Тимофею, Книгу пророка Исаии, Евангелие от Матфея, Евангелие от Луки и Псалтири. А также упоминает Деяния апостолов, Книгу пророка Ионы, Книгу пророка Даниила, Первую книгу Царств и стихиры Иоанна Дамаскина на погребение (подробнее см.: [Гудзий 1979]).

В текстах писем протопопа Аввакума к семье в качестве структурного компонента можно также выделить эпистолярное прощание, но его вербальное выражение будет существенно отличаться от традиционного жанрового клише. Так, первое письмо заканчивается словами: *«Писано в темнице лучинкою, коекак. Маия в 1 день»* [Аввакум 1979: 150], второе – наставлением *«Еще таинства в крестом, а грамоток в мир не чтите – петь себе»* [Аввакум 1979: 151], третье письмо – определённого рода отеческим поучением: *«И как весною приедете, тогда и Орину привезите; а у вас бы жила мирно, не плутала; а буде станет плутать, и вы ее смиряйте. Кто тебе научил указывать тово мне, чтоб я Федосье той запретил? Плутаешь иное и ты много. Ведаю веть я и твое высокое житье, как, у нее живучи, кутил ты! Горе, брате, мне с вами стало»* [Аввакум 1979: 152]. Четвёртое письмо к семье Аввакум заканчивает на высокой религиозной ноте, что обусловлено общим тоном данного послания: *«Бог простит всех смалодушствующих и паки возвращайся на первое достояние! Аминь, Аминь!»* [Аввакум 1979: 154].

Следует отметить, что для писем характерна, как привило, узкая (частная) пресуппозиция, которая в полной мере реализу-

ется в посланиях протопопа Аввакума к семье. Обращение к конкретным ситуациям, которыми владеют и адресат, и адресант, является одной из отличительных черт посланий к семье, например: «*О мире преж сего писал я вам, Феодор, что об одном деле двожды говоришь?*» [Аввакум 1979: 151], «*Помнишь, жена, как он мне говорит: “ты волен, и со мною что хочешь, то и сотворишь!” А я постриг его и посхимил по воли божии и по доуки своей к нему, свету. Помнишь ли, в Даурах казаком на поезде говорил и в Енесейске Ржевскому, и везде по городом: “мне, — реку, — Пашкова постричь надобно!” Да бог мне тово и дал. А то вы и не ведаете, как о том докучал богу»* [Аввакум 1979: 153].

Адресатная направленность также относится к категориальным признакам эпистолярного текста, но необходимо акцентировать внимание на том, что фактор адресатной направленности определяет речевой жанр, в данном случае речь идёт о письмах к семье, в которых адресат не только определён, но и назван. Протопоп Аввакум обращается к членам своей семьи, называя жену Марковной [Аввакум 1979: 151-153], а сыновей и дочерей, как правило, Аввакум величает по именам [Аввакум 1979: 150-154] (подробнее см.: [Миронова 2016]).

Свойства эпистолярного текста, особенно в период церковных распрей, в той или иной степени были обусловлены необходимостью использования разнообразных возможностей живого русского языка, прежде всего просторечных элементов. Особенно значимым это влияние становится с середины XVII века [Колесов 1989: 259], что в наибольшей степени проявилось в сочинениях протопопа Аввакума – зачинателя индивидуального стиля в русской традиции. При этом выход за рамки «нормативного» и открытие возможностей «низкого» на фоне нейтрального и высокого в эпистолярном стиле Аввакума закономерны и проявляется только в текстах писем и посланий, но и в жанрах приказного языка – челобитных протопопа (подробнее см.: [Беласова 2015]).

Эпистолярный текст высвечивает грани языковой личности «огнепального» протопопа, определяет его приоритетные ценности и выявляет отношение к религии, семье и детям духовным. В целом проведённое нами исследование по фрагментар-

ному описанию языковой личности Аввакума Петрова показало специфику традиционного религиозного сознания в рамках текстов частного характера в период становления русского литературного языка под мощным влиянием экстралингвистических факторов.

ЛИТЕРАТУРА

Аввакум протопоп. Письма и послания к семье // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – Иркутск, 1979.

Бекасова Е. Н., Миронова Е. А. Экология языка: взгляд в прошлое // Экология языка: Материалы VIII Междунар. науч. конф., Пенза, 17 апреля 2015 г. – Пенза, 2015.

Бекасова Е. Н., Москальчук Г. Г., Прокофьева В. Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис. – М., 2013.

Вендина Т. И. О культурной мотивации языка русской традиционной духовной культуры // В лабиринте сознания, времени и языка: сборник статей в честь 80-летия профессора В. Г. Руделёва. – Тамбов, 2013.

Гудзий Н. К., Демкова Н. С., Елеонская А. С., Мазунин А. И. Комментарий // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – Иркутск, 1979.

Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М., 2002.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. – М., 1995.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2010.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. – М., 1992.

Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л., 1989.

Курьянович А. В. Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4.

Миронова Е. А. Особенности реализации языковой личности протопопа Аввакума // Филологические чтения: Материалы Междунар. научно-практич. конф., Оренбург, 15-16 декабря

2016 г. – Оренбург, 2016.

Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. – СПб., 2005.

Салькаева А. Н. Языковая личность эпистолярного текста как когнитивное явление // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3 (29).

Якобсон П. М. Психология чувств и мотивации – М., 1998.

©Миронова Е. А., 2018